

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

1 апреля 1970 г. состоялась юбилейная сессия общего собрания Отделения литературы и языка АН СССР. В сессии приняли участие представители языковедческих и литературоведческих институтов Академии наук СССР и академий наук союзных республик.

В повестке дня сессии три проблемных доклада по языкознанию и два доклада по литературоведению («Ленинское наследие и пути формирования советской многонациональной литературы», чл.-корр. АН СССР Л. И. Тимофеев и «Проблемы развития современной мировой литературы», чл.-корр. АН СССР Б. Л. Сучков).

Акад. М. Б. Храпченко в вступительном слове отметил, что Ленинская сессия Отделения литературы и языка является важным звеном той исследовательской работы, которую осуществляли и осуществляют филологические научные организации всей нашей страны в связи с 100-летием со дня рождения В. И. Ленина.

Ленинская теория — животворный источник успешного развития всех общественных наук, в том числе науки о языке и литературе. Дальнейшее развитие ленинской теории требует острой, непримиримой борьбы с противниками ленинизма, с ревизионистами разных модификаций.

В докладах, включенных в повестку дня юбилейной сессии, не только подводятся итоги исследования важных проблем литературоведения и языкознания, но и намечаются пути дальнейшего их изучения.

Чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин в докладе «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания» подчеркнул, что одним из аспектов этой проблематики является постоянное внимание не только к конкретным достижениям мировой науки о языке, но и к его идеологической, философской основе. Ни одна научная дисциплина не свободна от философских основ. Неразрывная связь философии и конкретной науки особенно очевидна в гуманитарных дисциплинах, к числу которых принадлежит и языкознание.

В современном языкознании нередко имеет место преувеличение роли языка как источника познания. На этой почве вырастает лингвистическая философия, которая продолжает оказывать воздей-

ствие на самые различные лингвистические направления.

Последние десятилетия в истории языкознания прошли под знаком особого внимания к языку как к системе, как к структуре. Вне связей, вне системы в языке нет ничего достойного изучения — таков девиз направлений, получивших общее название «структурная» или «структуральная лингвистика», «лингвистический структурализм» или просто «структурализм».

Всеобщность связей явлений природы и общества — одна из черт диалектики. Системно-структурный подход, стремящийся исследовать всеобщность связей в языке, — закономерное явление в развитии языкознания. Благодаря особому вниманию к исследованию системности языка достигнуты серьезные результаты. Однако нужно различать системный подход к языку как метод изучения языковых явлений и возведение этого системного подхода в абсолют, подчеркивает Ф. П. Филин. В структуральных направлениях языкознания, когда речь идет о сущности языка, т. е. о предмете методологическом, довольно широко представлены различные виды абсолютизации связей, системности, отрыв их от других, не менее существенных сторон языка.

В связи с этим докладчик останавливается на вопросе о первичности языковой субстанции и вторичности отношений между языковыми явлениями. Наиболее выпукло абсолютизация языковых связей представлена в глоссематике Л. Ельмслева, предложившего абстрагироваться от всякой языковой субстанции — звуковой и семантической, так как языковые объекты есть не что иное, как точки пересечения пучков отношений. Эти крайности теории Ельмслева были подвергнуты критике, в том числе и со стороны структуралистов. Тем не менее, примат отношения над языковой материей характерен для структурального языкознания в целом. Ф. П. Филин определяет это как односторонний подход. Подчеркивая необходимость изучения языковой системы, языковых связей, он призывает не забывать о необходимости дальнейшего изучения самой языковой материи. Важно и то и другое. Можно, конечно, отвлекаясь от объектов, описать только отношения

между ними. Такое описание теперь часто называют формально-структурным. Однако такое описание всегда будет иметь частное значение, его нельзя рассматривать как конечную и единственную цель изучения языка. Если же этот частный исследовательский прием возводить в методологический принцип всеобщего значения, получится структурализм как философское направление.

В той же связи Ф. П. Филин рассматривает вопрос об относительной самостоятельности языковой системы. Общепринято, что язык образует систему и структуру, развивающиеся по своим собственным законам. В соответствии с этим главный объект языкознания — это специфическое строение языка и его история. В то же время учитывается и то, что язык функционирует в обществе, он не безразличен для общества, из чего неизбежно вытекает признание воздействия общества на язык, развитие языка в неразрывной связи с историей общества. Следовательно, предмет языкознания шире, чем описание устройства самого языка. Как органическая часть в него входят общественные функции языка, воздействие общества на язык, как и воздействие языка на общество. Ограничиваясь описанием грамматического строя языка или его фонетической системы, нельзя претендовать на то, что можно исчерпать предмет своей науки, мы считаем это только удобным методическим приемом, а не философской основой исследования. Однако те, кто видят в языке только систему знаков, только отношения между знаками, полагают, что такая система является замкнутой, самодовлеющей. Все приводящие факторы (социологические, психологические, физиологические и др.) объявляются экстралингвистическими и поэтому выходящими за рамки языкознания. Так, системность языка, являющаяся безусловным фактом, структурно-системный подход к языку, являющийся достижением современного языкознания, возводятся в абсолют, отрываются от других сторон языка, от общества, языкознание «дегуманизируется», превращается в своего рода техническую дисциплину. Эта методологическая позиция, когда одна сторона действительности принимается за всю действительность, когда целое подменяется его частью, представлена не только в глоссематике Ельмслева, но и в других структуральных течениях.

Для структурального направления характерен резко выраженный синхронизм. Синхронное описание языка как определенный прием вполне законно и, более того, для известных целей даже необходимо и имеет ряд преимуществ. Однако, когда синхронизм из приема описания превращается в методологический принцип, он становится антиисторическим. Структурализм весьма далек от того, чтобы на месте громадного здания сравнительно-

исторического языкознания построить нечто иное, ему равноценное, хотя имеют место попытки внедрить в сравнительно-историческое языкознание некоторые структуральные приемы исследования. Естественно, что целый ряд важных проблем (например, особенности литературного языка в отличие от других разновидностей языка, проблема возникновения и развития национальных языков, проблема возникновения человеческой речи и т. п.) оказывается за пределами интересов структуральной теории как экстралингвистические или не чисто лингвистические.

Далее докладчик остановился особо на вопросе о методах лингвистических исследований. Подход к языку как к целостной структуре с ее иерархическими подразделениями вызывал необходимость выработки новых приемов исследования, предложение которых исходило, прежде всего, со стороны структуральной лингвистики. Появляются опыты лингвистического моделирования, возникает квазитативная или математическая лингвистика. Вместе с этим возникли новые трудности, имеющие прямое отношение к методологии языкознания, поскольку связь между методикой исследования и методологией хотя далеко не всегда является прямой, но она существует. Наиболее существен в споре о методах вопрос о соотношении индуктивного и дедуктивного подходов к языку. Для структурального языкознания характерен примат дедуктивного над индуктивным. Индуктивный метод определяется как эмпирический, интуитивный, мало научный или ненаучный и приписывается старому «деструктуральному» языкознанию. При этом исходит из положения, что всякая наука должна строиться на общих определениях, а эти определения выдвигаются самим исследователем дедуктивно, исходя из заранее заданных исследователем предпосылок. Впрочем, по словам А. Мартине, эти предпосылки устанавливаются теоретиком на основе собственного предыдущего опыта. Таким образом, при попытках устранить опыт, индукцию, сделать это до конца не удастся никому. Упор делается на точность определения одних понятий по отношению к другим, чего можно достичь будто бы только при чисто формальных определениях, без попыток исчерпать самую сущность объекта, его реальность. Таким образом приемы исследования превращаются в самоцель, ставятся выше познания объективной реальности. Совершенно очевидно, что противопоставление дедукции индукции в применении их к такому сложному объекту, как язык, не может выдержать серьезного испытания временем и практикой. Всякое научное познание языка должно отправляться от реально существующих языковых фактов, в противном случае новые методы не дают положительных результатов.

Ф. П. Филин обращает внимание на весьма тревожные и нежелательные последствия, к которым ведет абсолютизация формально-дедуктивного метода и пренебрежение индукцией. За последние годы появляются молодые ученые, которые считают излишней профессиональную выучку. Знание языка или языков избранной специальности, сравнительно-исторической грамматики как основы профессиональной подготовки, истории языка в его письменной и устной разновидностях, диалектологии, всего богатства современного языка считается ненужной обузой, мешающей производить формально-дедуктивные операции. Наблюдается чрезвычайная легкость перехода от операции над одним языком к операциям над другими языками. Получается, что важные сами эти операции, а не изучаемые языки. Следствием такого легкомысленного подхода к специальности является отсутствие профессиональных знаний и уход от действительности, о чем с тревогой говорят многие отечественные и зарубежные языковеды.

Ф. П. Филин выдвигает тезис о необходимости рационального сочетания дедуктивного и индуктивного методов в лингвистических исследованиях с тем, чтобы сущность языковых явлений раскрывалась как можно полнее, чтобы исследования всегда ориентировались на практику в широком смысле этого слова.

В отношении количественного или математического метода в лингвистике докладчик отмечает, что наличие в языке таких сторон, которые поддаются исчислению, делает применение математических приемов исследования закономерным. Введение математического аппарата должно быть всегда оправдано, т. е. давать такие результаты, получение которых другими методами невозможно или затруднено. Однако сущность языка далеко не исчерпывается его исчисляемыми сторонами, и здесь оказываются эффективными другие методы. Когда полагают, что структурное и математическое языкознание отменяет все другие направления лингвистики или вбирает их в себя, делает их частными в общей теоретической основе, то это глубокое заблуждение.

Когда речь идет о сосуществовании разных методов, предполагаются разные приемы исследования, подчеркивает Ф. П. Филин, а не мировоззрение, не основы познания мира, которые составляет диалектико-материалистический метод, созданный Марксом, Энгельсом, Лениным. Бурное развитие науки в наше время подтверждает и обогащает этот метод, усиливает его действенность. Однако его дальнейшее развитие и утверждение проходят в ожесточенной борьбе. Те исследователи, которые полагают, что эта борьба их не касается, что наука единая и лишь может быть использована для разных целей, глубоко ошибаются.

Чл.-корр. АН СССР В. А. Аврорин в докладе «Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР» отметил, что советское языкознание обязано В. И. Ленину постановкой и разработкой важнейших теоретических проблем, ориентацией его на решение многих актуальных вопросов жизни социалистического общества — таких, как развитие культуры, народного образования и национально-языковых отношений. В. И. Ленину принадлежит разработка основных принципов национальной политики Коммунистической партии и ее важной организационной части — политики языковой, под регулирующим воздействием которой функционируют и развиваются языки многочисленных народов Советского Союза¹.

Одной из первоочередных задач партии, государства, всех общественных организаций В. И. Ленин считал идеологическое воздействие на самые широкие массы населения. Чтобы выполнить эти задачи, необходимо обращаться к людям на близком и полностью понятном им языке. Содержание преподаваемого — это главное, резюмирует В. А. Аврорин, а способ преподавания, в том числе и язык, — второстепенное; но достижение главного находится в прямой зависимости от правильности выбора второстепенного. Эту мысль В. А. Аврорин подкрепляет положениями основоположника русской педагогики К. Д. Ушинского и Л. В. Щербы о роли родного языка в практике педагогической работы и конкретизирует лингвистический аспект термина «родной язык».

Родным языком, в лингвистическом понимании этого термина, следует считать тот язык, которым данный коллектив людей или отдельный человек владеет в совершенстве, на котором люди могут не только свободно говорить при любых обстоятельствах, но и думать, не совершая при этом мыслительной операции перевода с одного языка на другой. В случае подлинного двуязычия родным языком может быть не один, а два языка, и тогда можно говорить о двух родных языках или о первом и втором родных языках.

Существуют и другие способы определения родного языка: родным называют язык того народа, к которому человек на тех или иных основаниях себя причисляет; родным именуется язык родителей; родным называется язык, которым сам человек в достаточной мере не владеет, но хочет подчеркнуть свое уважение к этому языку и его носителям, свое стремление овладеть этим языком. Встречаются и другие подобные случаи, когда оценка языка как родного резко расколотится с фактической языковой ситуацией. Они, несомненно, представляют интерес

¹ Подробное изложение этих проблем см.: В. А. Аврорин, Ленинские принципы языковой политики, ВЯ, 1970, 2.

с демографической, социологической, психологической точек зрения, но для языковедческой науки и тем более для языковой практики ценности не представляют. Лингвист обязан опираться на факты, в данном случае — на действительный уровень владения тем или иным языком.

При решении вопроса о языке идеологической работы, а тем более о языке обучения в школе, В. А. Аврорин предлагает руководствоваться в каждом отдельном случае функциональным типом языка. Язык с богатыми литературными традициями, принадлежащий хотя бы относительно крупной нации, например, в союзных республиках, позволяет обеспечить все уровни пропаганды и обучения; роль русского языка при этом сводится в основном к функции межнационального общения. Просто решается вопрос и в тех случаях, когда у целой народности или у значительной ее части произошла смена родного языка, и родным в лингвистическом смысле слова стал русский язык или язык иной крупной нации. Особые трудности возникают, когда смены языка не произошло и народность в своей массе сохраняет собственный родной язык, однако в силу малочисленности населения отсутствует практическая возможность осуществления высшего, а иногда даже и среднего образования на родном языке.

В отношении младописьменных малых наций и народностей В. А. Аврорин предлагает следующий путь решения проблемы. На первом этапе обучения в школе (от двух до семи лет, в зависимости от конкретных условий) обучение проводится на родном языке учащихся. Затем обучение переводится на русский язык или язык соответствующей союзной республики. Переход на другой язык должен быть хорошо подготовлен, поэтому с первого дня прихода учащихся в школу необходимо начинать планомерное и глубокое изучение этого языка. Преимущества такого подхода заключаются в том, что за время обучения неродного языка учащиеся с помощью понятного им родного языка приобретают предусмотренные школьными программами знания и в то же время настолько овладевают другим языком, что дальнейшее обучение на этом языке не создает для них помех. В тех же условиях необходим строго дифференцированный подход к использованию родного или неродного языков и в идеологической работе среди взрослого населения. В каждом конкретном случае должен избираться тот язык изложения, который способен дать наибольший эффект; при этом не будут ущемлены права ни одного из языков, т. е. получит свое осуществление принцип последовательного демократизма. Такое решение вопроса лучше всего, по глубокому убеждению В. А. Аврорина, согласуется с ленинским учением по национальному вопросу.

Руководствуясь ленинскими положениями Программы КПСС, языковеды призваны выполнять следующие в высшей степени ответственные и почетные задачи: 1) всеми средствами содействовать дальнейшему развитию всех языков народов Советского Союза; 2) всем, кто желает в совершенстве овладеть русским языком, оказывать совместно с деятелями педагогической науки действительную и квалифицированную помощь путем создания методических руководств и учебников; 3) организовать глубокое и всестороннее изучение современной языковой ситуации и тенденций ее изменения у всех народов нашей страны. В то же время чем интенсивнее будет развиваться работа по всем остальным направлениям советской лингвистики, тем успешнее могут быть решены и перечисленные задачи, тем выше будет теоретический уровень взаимодействия лингвистической науки с языковой практикой.

Акад. АН УССР И. К. Белодед в докладе «Проблемы изучения языка В. И. Ленина» рассматривает язык научного, публицистического, пропагандистского, политического творчества В. И. Ленина как новый этап в развитии речетворчества в эпоху социалистической революции и построения первого в мире советского государства.

Многогранность, необозримое богатство языка В. И. Ленина, культура его речи зиждутся на широком фундаменте достижений русского языка, а также языковых ценностей, выработанных классическими и европейскими языками. Русский речевой стиль Ленина в широком смысле этого понятия связан с языковыми традициями революционных демократов, с их воинствующей направленностью и прямотой, страстностью их слова. Образность творчества великих русских писателей, которых В. И. Ленин часто цитировал, нашла глубокое отражение в его языке и стиле. Исследователи отмечают, что в отношении к слову он был «так же аскетичен и суров, как Толстой». Ленин не допускал в своем стиле ни вычурности, ни красноречия, ни помпезности. В общении с рабочими еще в конце XIX в. выработывался ленинский научно-публицистический стиль, ставший действенным средством распространения марксистско-ленинского учения в среде широких народных масс именно потому, что в нем соединялись конкретные, понятные для рабочих факты с их теоретическим анализом. Весь этот комплекс проблем языка и истории является важным объектом исследования для языковедов, историков и социологов.

Характерной чертой новаторства Ленина явилось органическое сочетание в едином сплаве достижений всех стилей высокоразвитого литературного языка с широкой основой народно-разговорной речи — это получило свое полное раскры-

тие и применение прежде всего в области революционного действия, повышения сознательности масс, мобилизации их на активное творчество, приобщения их к ценностям науки и духовной культуры. Это явление обусловлено новым этапом социального и культурного развития общества при активном участии широких масс трудящихся. На большом конкретном материале И. К. Белодед дает подробный анализ языково-стилистических средств произведений и ораторских выступлений В. И. Ленина.

В заключение И. К. Белодед указывает, что изучение языка В. И. Ленина должно осуществляться во всей многогранности его стилей. Необходимы фундаментальные исследования роли творчества В. И. Ленина в развитии русской и мировой речевой культуры, в истории русского литературного языка, новаторского значения слова Ленина для всей языковой практики социалистического общества.

Вопрос о словарях языка В. И. Ленина поднимался в нашей науке еще в 20-х годах; решение этого вопроса, подчеркнул докладчик, настоятельно необходимо в наши дни. Кроме Словаря философских, социально-экономических, общекультурных социологических понятий, зафиксированных в трудах В. И. Ленина, большое значение будет иметь также общий Словарь языка Ленина, который осветил бы богатство и многогранность его лексических, фразеологических и образных средств.

Ю. С. Елисеев (Москва)

языкознании на господствующее место в науке о языке совершенно несостоятельны. Методологической основой для лингвистического исследования является учение Маркса — Энгельса — Ленина.

В докладе «Марксистско-ленинская теория познания и некоторые теоретические вопросы языкознания и семиотики» В. З. Панфилов остановился на гносеологических аспектах проблемы взаимоотношения языка и мышления. Взаимоотношение языка и мышления рассматривается докладчиком как одна из сторон основного вопроса философии, так как первичность материи и вторичность сознания проявляется также и в том, что мысль осуществляется в материальных языковых формах. В. З. Панфилов детально остановился на роли, которую играет язык в процессах чувственного познания, осуществляемого в формах ощущений, восприятий и представлений, с одной стороны, а с другой — в процессах абстрактного, обобщенного познания, совершающегося в формах понятий, суждений и т. п. Язык (и иные знаковые системы) является необходимым средством осуществления и существования именно абстрактного, обобщенного мышления. Абстрактное обобщенное мышление осуществляется в неразрывной связи и на основе материальных языковых форм, которые выступают при этом как своего рода посредники между познающим субъектом и познаваемыми объектами, как «представители» этих последних в мышлении человека. В докладе было подвергнуто анализу понятие материальной стороны языка, в частности — в процессе внутренней речи; в то же время рассматривалось означаемое, его отношение к содержательной стороне мышления и его роль в отражении действительности. Означаемое (как и содержательная сторона мышления) обладает субстанциональной природой, формируясь в связи с отражением действительности (причем этот фактор играет решающую роль для более высоких языковых уровней). Тем не менее означаемое не дублирует содержательную сторону мышления, так как: 1) последняя, будучи тождественна содержательной стороне речи, не сводится к значениям языковых единиц, используемых в процессе мышления; 2) помимо, существуют несколько уровней структурно-семантической организации мышления (ср. факт наличия нескольких уровней анатомо-физиологической организации мозга, связанных с его мыслительной деятельностью). Из этого следует, что естественные языки и другие знаковые системы не являются моделями мира, жестко определяющими характер отражения действительности познающим субъектом, как это полагают сторонники гипотезы Сепира — Уорфа и некоторые представители семиотики. Решающим аргументом против этой точки зрения явля-

16 апреля 1970 г. в Москве проходила Юбилейная научная конференция «В. И. Ленин и основные проблемы советского языкознания», организованная Институтом языкознания и Институтом русского языка АН СССР.

Ф. П. Филин во вступительном слове отметил, что ленинизм является мощным оружием, позволяющим языковедам правильно оценивать процессы, происходящие в мировой лингвистике, глубоко и всесторонне понимать язык в его современном состоянии и его истории. Признавая важность абстракций различных уровней в лингвистических исследованиях, Ф. П. Филин подчеркивает, что исходным материалом в любых случаях является язык во всей его реальности и многообразии, отражающий объективную действительность. Поэтому языкознание, имея многочисленные точки соприкосновения с различными науками, в том числе и естественными и точными (особенно с математикой), было, есть и будет гуманитарной наукой. Претензии любого, пусть самого сверхмодного направления в современном

ется также непрерывное развитие человеческих знаний об объективной действительности, факты развития естественных языков и искусственных знаковых систем, создания метаязыков различных степеней, что возможно лишь при том условии, если постоянно осуществляется выход за пределы существующих знаковых систем. В докладе была обоснована также принципиальная возможность объединения в пределах языковой единицы ее материальной стороны (означающего) и ее идеальной стороны (обозначающего), что нередко отрицается. В заключение В. З. Панфилов подчеркнул фундаментальное значение марксистско-ленинской теории познания для решения теоретических вопросов языкознания и семиотики.

В. Н. Ярцева в докладе «Количественные и качественные изменения в языке» сказала, что проявление элемента количества в языке наиболее заметно связано прежде всего с понятием частотности, которая принадлежит функциональной стороне языковой системы; учет частотности любого языкового явления — полезный прием при анализе. Переходя к сущностным характеристикам языка, докладчик отметила, что отдельные уровни языковой системы взаимодействуют при функционировании языка как средства коммуникации, и это взаимодействие должно отражаться в процессе исторического развития языка. Диалектика языковой системы состоит в том, что, стремясь к сохранению в целях адекватного функционирования, она изменяется именно в процессе этого функционирования. Для любой модели языка важно различать: а) уровень ее емкости и б) степень частотности ее употребления. Емкость модели зависит не только от ее строения, но и от структурных свойств ее членов, последнее непосредственно связано с качественной характеристикой конструкций языка.

Конкретное выражение единства качественной и количественной сторон языка связано с определенной мерой, проявляющейся в типологических чертах отдельного языка. Качественная характеристика языковых элементов имеет значение для синхронии, но еще ярче проявляется в диахронии. Многосторонность структуры языка обуславливается сложность связей между различными уровнями языка как частями языковой структуры, отношение различных уровней языка к общественным условиям его функционирования. Внимание лингвиста должно быть направлено на внутренние законы развития структуры языка и на те противоречия, которые в нем существуют и которые дают направление «самодвижению» в диалектике развития языка. Нарастание изменений на определенном участке одного уровня языка, дающее накопление количества, может привести 1) к пере-

делу системы (например, новому членению грамматико-семантического поля) или 2) к переходу явлений из одного языкового уровня в другой. Промежуточные языковые зоны — наиболее благоприятные участки для возникновения изменений, так как противоречивое начало, заложенное в каждом элементе языка, при употреблении этого языкового элемента вызывает борьбу противоположностей и ведет к расщеплению единого. Возникновение в процессе развития языка новых языковых структур и типов образует цепь непрерывностей, что обусловлено диалектикой языкового развития и постоянной коммуникативной функцией языка. В заключение В. Н. Ярцева подчеркнула, что на базе нового качества возникают новые количественные соотношения и возможности нового интенсивного нарастания количественных характеристик языка.

В докладе «Философские идеи В. И. Ленина и проблемы лингвистического моделирования» С. К. Шаумян высказал мнение, что абстрактное лингвистическое моделирование выдвигает философские проблемы, которые нуждаются в правильном решении с позиций диалектического материализма. Абстрактные лингвистические модели — это иерархические системы лингвистических понятий, которые представляют собой лингвистические конструкции. В связи с этим возникает вопрос о природе объектов, соответствующих лингвистическим конструктам. С. К. Шаумян придерживается той точки зрения, что отношения принадлежат к объективной реальности и, изучая элементы языка как пучки отношений, лингвист тем самым исследует определенные стороны объективной реальности.

А. А. Уфимцева в докладе «Категории общего и отдельного и теоретические проблемы языка» говорила о том, что категории общего и отдельного — это основные гносеологические категории, между двумя полюсами которых совершаются процессы обобщения и конкретизации, интеграции и дифференциации, собственные человеческому мышлению. В языке антиномии общего и отдельного, абстрактного и конкретного лежат в основе наиболее фундаментальных принципов языковой организации. На противопоставлении общего и отдельного, виртуального и актуального основывается двухплановый модус существования человеческого языка: язык как система обобщенных знаков и моделей их сочетаемости и речь как конкретная реализация этой системы. В плане структурной организации дихотомия общего и отдельного находит свое выражение в противопоставлении тождества и различий, в характере содержания обобщенных категорий и конкретных языковых единиц, в принципах различных группировок и сочетаний языковых знаков. На указанном противопоставлении основываются и многие од-

тологические свойства слова: его знаковый характер, наличие двух модификаций словесного знака — виртуального и актуального, асимметрия в соотношении двух сторон знака,¹ историческое и синхронное тождество слова, дифференциальный характер элементов, составляющих означаемое и означающее словесного знака и т. д.

А. В. Десницкая в докладе «Об историческом содержании понятия „диалект“» отметила, что направление исследований по теме «язык и диалект» и особенно тех ее аспектов, которые связаны с историческим процессом образования национальных языков и соответственно с ролью территориальных диалектов в этом процессе, определяется ленинским учением о нациях, в образовании и развитии которых язык является одним из существенных факторов. Понятие «диалект» наполняется историческим содержанием в зависимости от конкретных социально-исторических условий образования и устойчивого существования этой лингвистической единицы. Многообразие и сложность процессов диалектообразования и соотношения их с противоположными тенденциями в развитии языков определяются в основном причинами экстралингвистического характера. Поэтому постановка вопроса об историческом содержании понятия «диалект» теоретически оправдана и необходима. Тем не менее, что касается исторических закономерностей развития языков в эпохи, предшествующие формированию наций, то здесь речь может идти об определении некоторого количества наиболее характерных вариантов лингвистических ситуаций применительно к отдельным периодам и типам социально-исторического развития. Проблема соотношения диалектов с литературными языками — в том виде, как эти соотношения складываются в современном мире, и в той степени, в какой они оказывают влияние на практику речевого общения и культурного развития современного человечества, — естественно, оказывается в центре внимания и своей актуальностью выдвигается на передний план социально-лингвистических исследований. Для теоретической постановки вопроса об историческом содержании понятия «диалект» более релеванты лингвистические материалы, относящиеся к тем периодам общественного развития, когда процессы диалектообразования сохраняли еще свою активность. В этом аспекте специальный интерес представляет диалектологическое изучение бесписьменных языков и вообще изучение типов языковых отношений, сохраняющихся в той или иной степени у народностей и племен, еще не консолидировавшихся в нации.

Ю. С. Сорокин в докладе «Проблемы изучения русского языка в советскую эпоху» указал, что после Великой

Октябрьской социалистической революции в ходе социалистического переустройства страны, в процессе развертывающейся культурной революции особенно возросла роль русского литературного языка как мощного орудия культуры. Коммунистическая партия неизменно придавала большое значение языковому строительству в нашей стране, сохранению и развитию культуры языка.

Принципиальное значение имела постоянная борьба против засорения и жаргонизации литературного языка, против левацких утверждений о том, что революция в корне изменила язык, разрушив его связь со старыми культурными традициями. Основное направление развития русского литературного языка в советскую эпоху заключалось в очень интенсивных переменах в его лексическом составе, в изменениях его синтагматики, отражающих новые потребности советской действительности, при устойчивости его строя, его сложившейся парадигматики, основных особенностей его структуры. Крупнейшие лингвисты-русисты, развернувшие свою деятельность после Октябрьской революции (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур и др.), много сделали для развития принципиально нового учения о русском литературном языке, для совершенствования культуры речи. Докладчик остановился на достижениях в изучении стилистической системы современного русского литературного языка, отметив, что в настоящее время создаются все необходимые условия для дальнейшего теоретического прогресса в области этой сложной и многообразной проблематики.

В докладе Л. И. Скворцова «В. И. Ленин о культуре речи и языковой политике» содержался обзор высказываний В. И. Ленина о богатстве и выразительной мощи русского языка, о точности, ясности и стилистической уместности словоупотребления. Отношение Ленина к языку, его забота о речевой культуре народа никогда не были чисто филологическими; проблему понятности, ясности изложения он связывал с доходчивостью и действенностью партийной пропаганды. В труднейшие послереволюционные годы В. И. Ленин говорил о настоятельной необходимости культурного воспитания народных масс, предпринял важные шаги по организации работы над словарем русского литературного языка «от Пушкина до Горького», непосредственно руководил начавшейся в стране культурной революцией. Языковая политика советского государства, основываясь на творческом наследии В. И. Ленина, удерживает русскую литературную речь на высоком уровне современной культуры, связанной одновременно и с письменными традициями, и с народными истоками живого словоупотребления наших дней.

В докладе «Марксистско-ленинская теория наций и ее значение для языкового строительства в СССР» О. П. С у н и к, остановившись на основных положениях марксизма-ленинизма об образовании наций и национальных языков, подчеркнул, что языковое строительство в нашей стране опирается на достижения современной лингвистической науки, непосредственно связанные с изучением звукового состава, грамматического строя языков, их словарного состава, диалектологии. Было бы неправильно полагать, что в области языкового строительства советскими языковедами ввиду завершения работы по созданию письменности сделано все, что от них требуется. Актуальными проблемами советского языкового строительства на его современном этапе являются: дальнейшее совершенствование имеющихся письменностей, систем орфографий многих младо- и старописьменных языков (в том числе орфографии русского языка), упорядочение терминологии, создание словарей различных типов, полноценных учебников и учебных пособий по многочисленным литературным языкам. Это большая и сложная работа требует углубленного исследования всех без исключения языков — как письменных так и бесписьменных. Только на базе научного изучения языков различных семей и типов, а также на основе глубокого изучения процессов, происходящих в этнической и языковой жизни народов СССР, могут быть правильно поняты и разумно использованы закономерности развития и взаимодействия различных языков в условиях многонационального социалистического государства.

М. А. Кумахов (Москва)

*

6 мая 1970 г. в Лейпциге состоялся научный colloquium, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Colloquium, организованный лейпцигской ономастической рабочей группой при Университете им. Карла Маркса, обсуждал проблемы ономастики, разрабатываемые в Советском Союзе. В colloquium приняли участие германисты, слависты, историки, а также преподаватели и студенты. В центре внимания colloquium находились ценные результаты исследований советских специалистов по ономастике, полученные в последние годы. В работах советских ученых делается попытка выявить основные компоненты общей теории имен и, в частности, указывается на необходимость учитывать роль имен собственных в языковом процессе коммуникации, а также общественную природу языка.

Э. Эйхлер (Лейпциг) сделал сообщение о советских работах по теории ономастики и присоединился к выводу совет-

ских ученых о том, что ономастика является междисциплинарной отраслью исследования, связывающей лингвистику с историей заселения определенных территорий и с географией. Исторические и географические данные, которые могут осветить связи истории общества и языка, являются неотъемлемым инструментом исследователя ономастики. Доклад Э. Эйхлера касается главным образом выпущенной в 1969 г. книги советского англиста В. Д. Бельской (Москва) о роли топонимов в лексической системе языка и ее концепции топонимических категорий, исходящей из синхронного рассмотрения собственных имен. Особую важность приобретает использование собственных имен в языке современного общества, что придает им определенную дополнительную значимость (вторичная мотивированность).

И. Ш у л ь т х а й с (Лейпциг) коснулся разрабатываемого в советской ономастике вопроса о вариативности имен собственных и ее значения для изучения связей между именами собственными и обществом. Он не ограничился исследованием только топонимов, но проанализировал также прозвища и фамилии, обнаруживающие богатую вариативность не только в русском языке.

Г. В а л ь т е р (Лейпциг) говорил о сущности ономастической информации, опираясь при этом на марксистскую философию.

С. К ё р н е р (Борна) в своем докладе коснулся псевдонимов В. И. Ленина, классифицировал около 150 до сих пор известных ленинских псевдонимов и исследовал историю их возникновения, тесно связанную с историей рабочего движения.

В. Ф у р м а н (Эрфурт) рассмотрел употребление терминов «синхрония — диахрония», «опозиция» и др. в ономастическом исследовании. Студент И. К а в а э л ь (Лейпциг) осветил продуктивность русских названий жителей, образованных от топонимов, особенно в советскую эпоху. Участники совещания получили библиографию новых советских работ по ономастике, составленную И. Кавазлем и И. Шультхайсом.

Развернувшаяся оживленная дискуссия показала большой интерес тематики совещания и новую ориентацию ономастики ГДР в области синхронных исследований и в вопросе о соотношении языка и общества в ономастике.

Э. Эйхлер (Лейпциг)

Перевел с немецкого М. М. Маковский

*

С 7 по 9 апреля 1970 г. в Ленинградском отделении Института языковедения АН СССР состоялась научная конферен-

ция по проблеме «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках», которая была организована Сектором палеоазиатских и самодийских языков и в работе которой приняли участие языковеды из Томска, Новосибирска, Якутска, а также сотрудники Института этнографии АН СССР, Северного отделения ЛГПИ им. А. И. Герцена и ЛО издательства «Просвещение». На конференции было прочитано 19 докладов.

В своем вступительном слове чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая (Ленинград) отметила, что в докладах конференции по палеоазиатским и самодийским языкам, организуемой впервые, затрагивается материал подавляющего большинства палеоазиатских и самодийских языков. О значительных успехах североведения свидетельствует тот факт, что от описания отдельных языков и диалектов специалисты-североведы переходят к сравнительно-историческим и сравнительно-типологическим исследованиям, к обобщенному рассмотрению языковых фактов.

П. Я. Скорик (Ленинград) в докладе «Итоги и задачи исследования в области палеоазиатских и самодийских языков» обрисовал состояние изучения каждого из рассматриваемых языков на данный момент и сформулировал общие проблемы североведческих работ.

Проблемы эти следующие: 1) языковая общность коренного населения северо-востока Азии и Северной Америки, 2) генетическая общность самодийских языков и их взаимосвязи с языками соседних народов. Вторая проблема относится к уральской гипотезе, согласно которой генетическая общность признается между финно-угорскими и самодийскими языками. Однако предполагается, что самодийцы, мигрировавшие с Саян на Север, ассимилировали обитавших там палеоазиатов. К такому выводу пришел в 30-х годах известный советский ученый Г. Н. Прокофьев, обнаруживший в самодийских языках элементы палеоазиатского субстрата. Таким образом, две упомянутые проблемы объединены более общей проблемой, именно проблемой древнего расселения аборигенов Севера — от Колыского полуострова до Гренландии. Здесь смыкаются воедино научные интересы лингвистов, историков, этнографов и археологов. Для того чтобы лингвисты успешно решили поставленную перед ними задачу, изыскания сопоставительно-типологического и сравнительно-исторического плана (начатые в трудах В. Г. Богораз и С. Н. Стебницкого) необходимо было предварить тщательным, подробным описанием каждого отдельно взятого языка на базе полевых данных. В настоящее время работы этого подготовительного этапа в основном завершены (или завершаются). Докладчик предостерег против

поверхностного, некритического подхода к материалу, против чисто внешних сопоставлений отдельных языковых элементов, что наблюдается в работах некоторых зарубежных ученых (Й. Ангере, К. Боуда и др.). Подлинный характер той или иной языковой общности может быть выявлен только в результате систематического сравнительного анализа, в результате раскрытия внутренних связей языков.

Свидетельством того, что палеоазиатоведение выходит за рамки «узкоместной» проблематики, явился прочитанный на конференции доклад А. П. Дultzона (Томск) «Кетско-тюркские параллели в области склонения». Основываясь на большом фактическом материале, автор показал, что падежные показатели кетского языка обнаруживают значительные схождения с соответствующими тюркскими аффиксами и что эти схождения вряд ли можно объяснить случайным совпадением. Доклад вызвал оживленную дискуссию.

На конференции было сделано несколько обзорных докладов по группам языков, связанных генетической общностью. В докладе Н. М. Терещенко (Ленинград) «Склонение в самодийских языках» раскрыты особенности падежных систем в ненецком, энецком, иганасанском и селькупском языках. В последнем имеются значительные отличия от других самодийских языков (состав падежей, морфологическая структура падежной формы и т. д.), что свидетельствует о давней обособленности селькупского языка и его длительном самостоятельном развитии.

Г. А. Меновщиков (Ленинград) в докладе «Падежи и типы склонения в эскимосско-алеутских языках» показал, что состав падежей и типы склонения во всех эскимосских диалектах (включая гренландский и лабрадорский) совпадают, тогда как в алеутском языке имеется только два морфологически выраженных падежа (ср. 8—9 падежей в диалектах эскимосского языка). Эти падежи, абсолютный и относительный, восходят к периоду гипотетической эскимосско-алеутской общности; в дальнейшем же, как показывает материал, развитие эскимосского и алеутского языков пошло различными путями.

Если генетическая принадлежность селькупского и алеутского языков не вызывает сомнений, то вопрос о положении ительменского языка в чукотско-камчатской группе до сих пор остается спорным. Этому вопросу было уделено большое внимание в докладе П. Я. Скорика «Склонение в чукотско-камчатских языках». При общности в этих языках систем склонения в плане их содержания (по совокупности падежных значений) они имеют существенное различие в плане выражения (по количеству падежей). Различие это, в основном, обусловлено синкретизмом падежей в одних языках и диффе-

ренцированностью их в других. Сравнительный анализ свидетельствует о том, что системы склонения в чукотско-камчатских языках (включая ительменский) наряду со структурной и функциональной общностью имеют, в основном, и общность материальную. Большая или меньшая степень материального различия между падежными системами этих языков явилась результатом разной длительности обособленного развития каждого из них, причем обособленное развитие ительменского языка, несомненно, было наиболее длительным и протекало под интенсивным влиянием извне.

Доклад А. Н. Жуковой (Ленинград) «О склонении существительных в паланском, карагинском и алоторском диалектах корякского языка» был посвящен также группе языков: как показал докладчик, различия между паланским, карагинским, алоторским и «собственно корякским» (чавчуевским) диалектами настолько значительны, что позволяют говорить о них как о самостоятельных близкородственных языках.

Серия докладов была посвящена рассмотрению падежных систем в отдельных палеоазиатских и самодийских языках. Э. Г. Беккер (Томск) в докладе «К вопросу о падежах в селькупском языке» подробно анализировала случаи образования падежных форм, когда два или даже три падежных аффикса сочетаются в составе одной словоформы. Таким способом образуется, например, форма отложительного падежа, аффикс которого присоединяется не к основе, а только к формам местно-временного и местно-личного падежей. В докладе А. П. Володиной (Ленинград) «Система склонения в ительменском языке» была рассмотрена падежная парадигма, насчитывающая, по последним данным, 11 падежей (ранее было известно восемь падежей).

А. Н. Жукова прочла доклад «Суффиксированный артикль в корякском языке», где было четко выявлено различие между двумя типами склонения. Существительные, обозначающие предмет и неопределенное лицо, склоняются по I типу; существительные, обозначающие определенное лицо (включая имена собственные), — по II типу, который характеризуется суффиксированным артиклем *-нэ ~ -на, -йка*. П. И. Инэликей (Ленинград) посвятил свой доклад уточнению инвентаря падежей в чукотском языке. Изложив требования, которым должна отвечать падежная форма, докладчик показал, что традиционно выделяемый в чукотском назначительный падеж не отвечает этим требованиям и потому должен быть исключен из состава падежей. Докладчик настаивал на введении в парадигму склонения (в качестве уподобительного падежа) формы на *-мил ~ -мэл*, которая отвечает всем требованиям, предъявляемым к падежной форме.

Частным вопросам склонения в палеоазиатских и самодийских языках было посвящено пять докладов. Г. Н. Куриллов (Якутск) анализировал атрибутивные словосочетания в якугирском языке, где в роли зависимого члена выступает существительное, либо оформленное аффиксами *-н, -о*, либо с нулевым показателем; это различие в оформлении обусловлено различием в значении. Т. И. Поротова (Томск) на базе большого фактического материала пришла к выводу, что в падежных аффиксах множественного числа в кетском языке с помощью специальных показателей (*о:н*) маркируется одушевленность или неодушевленность обозначаемого существительным предмета. В обстоятельном докладе Т. Г. Перфильевой (Новосибирск) были рассмотрены способы выражения пространственных отношений в ненецком языке. И. П. Сорочкина (Ленинград) сделала доклад о функциях локативных падежей в энецком языке. Доклад Н. М. Емельяновой (Ленинград) «Падежные аффиксы вне системы склонения (на материале эскимосского языка)» был посвящен важной проблеме отграничения падежной формы от наречия: грань эту затруднительно провести даже в хорошо изученных языках; тем более важна постановка вопросов подобного рода для палеоазиатских и самодийских языков, изученных сравнительно мало и не имеющих литературной нормы.

Было прослушано также три доклада, посвященных языкам, типологически близким палеоазиатским и самодийским; два доклада базировались на материале финно-угорских языков: Н. И. Терешкин (Ленинград) «Падежи именного склонения в диалектах хантыйского языка» и И. А. Селицкая (Ленинград) «О роли падежей объекта в передаче видо-временной характеристики действия (на материале прибалтийско-финских языков)» и один доклад — на материале кавказских языков: Ф. А. Гайдарова (Ленинград) «О структуре падежных форм в лакском языке». Эти доклады представили большой интерес в сопоставительно-типологическом плане.

В докладе кавказоведа И. О. Гецадзе (Ленинград) «К типологии падежных систем» был поставлен вопрос о структурно-функциональных параллелях, прослеживаемых между палеоазиатскими языками и языками Кавказа. На материале абхазо-адыгских языков, с одной стороны, и кетского языка, с другой, докладчик продемонстрировал весьма показательные типологические схождения в области многоморфного глагольного комплекса и в синтаксическом назначении падежных форм. Этот доклад вызвал оживленный отклик у участников конференции.

В ходе прений и обсуждения итогов конференции была единодушно высказана мысль о том, что выбор узкой темы ока-

зался чрезвычайно плодотворным: это позволило подойти к материалу множества в большинстве своем разнотипных и генетически неродственных языков под одним определенным углом зрения, расширило представления участников о палеоазиатских и самодийских языках в целом и дало обильную пищу для сопоставлений. Сопоставления же, расширяя кругозор исследователя, помогают глубже проникнуть в сущность явлений изучаемого языка. Следует отметить также, что в научный обиход было введено большое количество не известного ранее материала — почти все доклады построены на полевом материале, собранном докладчиками за последние годы. Было принято решение опубликовать материалы конференции отдельным сборником.

Конференция способствовала укреплению контактов между лингвистами-североведами из разных городов страны и положила начало координации их научной деятельности. Участники конференции послали приветственную телеграмму выдающемуся языковеду проф. А. П. Дульзону, признанному главе томской школы североведов.

А. П. Володин (Ленинград)

*

12—13 мая 1970 г. в Уральском гос. ун-те им. А. М. Горького состоялась научная конференция преподавателей кафедр иностранных языков вузов Свердловска, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Конференцию открыл председатель городского методологического объединения кафедр иностранных языков доцент И. А. Кузнецов.

С. Д. Береснев в докладе на тему «Ленин как оратор» проанализировал лингвистические особенности публичных выступлений В. И. Ленина. С сообщением «Речевой портрет и отношение автора к повествованию» выступила Н. М. Анненкова. Теме «Числительные в современном английском языке (функционально-семантический обзор)» посвятили своей доклад Я. Г. Биренбаум и И. А. Кузнецов. Г. А. Добрых на материале немецкого языка попыталась вскрыть некоторые стилистические функции паратаксиса в художественной прозе. М. Т. Есаулкова поделилась опытом составления отраслевого частотного словаря немецкого языка и предложила структурно-семантический анализ высокочастотных существительных. Описанию терминологических словосочетаний, применяемых в текстах по физике, был посвящен доклад Б. В. Штернгерца.

В коллективном докладе Л. С. Коренцвит, В. П. Жуковой, Е. Б. Тихоновой и А. Б. Шульминой были проанализированы языковые средства выражения безличности в английской технической литературе. С. Д. Береснев на материале немецкого языка изложил принципы и методику выделения классов слов в пределах частотного списка отраслевой литературы. Л. В. Родионова выступила с сообщением на тему: «Сопоставление употребления атрибутивного герундия и атрибутивного причастия в технической литературе на английском языке». В докладе Г. Ф. Шанауровой дано описание алгоритма обобщения глагольных словоформ немецкого языка при безмашинной обработке текста для составления отраслевого частотного словаря. Вопросу о так называемой «интернациональной» лексике, встречающейся в технической литературе, было посвящено сообщение Н. М. Костогрыза.

Вопросов методики преподавания иностранных языков касались доклады В. Н. Багрецова, Л. И. Фомина и Б. В. Штернгерца.

В заключительном слове С. Д. Береснев отметил достижения в научно-исследовательской работе кафедр иностранных языков вузов Свердловска, указал на недостатки (разрозненность тематики, отсутствие комплексности в исследованиях большинства кафедр) и призвал коллективы кафедр заниматься исследованием лексики отраслевых литератур с применением аппарата статистики и теории вероятностей.

Материалы конференции публикуются отдельным томом «Трудов Уральского университета».

М. Т. Есаулкова (Свердловск)

*

19—20 ноября 1969 г. в Институте языкознания АН СССР в рамках V научной сессии по вопросам германского языкознания работал семинар по диахронической фонологии германских языков. В работе семинара принимали участие представители научно-исследовательских учреждений и вузов из 11 городов Советского Союза, а также гости из ГДР и ЧССР.

В докладе «Поляризация как один из факторов эволюции фонематической системы языка» Б. М. Задорожный (Львов) остановился на статусе *h* в различные периоды истории немецкого языка.

А. С. Либерман (Ленинград) высказал в своем докладе предположение о том, что германские улаутные фонемы образовались в результате синтагматического слияния различительных признаков

аффицируемых и аффицирующих фонем. В этом случае для прагерманского восстановления системы гласных, в которой *i* и *u* противопоставлялись как передний губному, а *e* и *o* как негубной заднему. Такая реконструкция позволяет обойтись без гипотезы о существовании так называемых умлаутных аллофонов гласных форм.

Г. В. Воронкова (Ленинград) в докладе «Изменчивость содержания фонемы в синхронии и диахронии» указала на то, что фонема не является стабильным путем дифференциальных признаков, как это может показаться, если исходить только из ее включенности в одну мерную привативную пропорциональную оппозицию. Фонологическое содержание ее меняется в зависимости от того, какой конкретно фонеме она противопоставляется в той или иной позиции.

Доклад А. А. Абдуазизова (Ташкент) «К вопросу об акцентологической интерпретации умлаута и сингармонизма» содержал критику методики просодического анализа сингармонизма, предложенной представителями Лондонской фонологической школы. В исследовании данной проблемы докладчик предложил исходить из классификации слоговых фонологических элементов, созданной Е. Д. Поливановым, и из акцентологической теории С. Д. Кацнельсона.

Я. Б. Крупаткин (Севастополь) посвятил свой доклад процедуре определения аллофона через отображение содержащихся в нем дифференциальных признаков на плоскости комбинаторных репрезентаций.

Выступивший в прениях акад. В. М. Жирмунский (Ленинград), в связи с докладом А. С. Либбермана обратил внимание на необходимость учитывать морфологические условия, в которых происходит фонетическое изменение, поскольку именно морфологическая связанность толкает вариант к фонемизации, когда исчезает вызывающий умлаут краткий гласный. Кроме того, гипотеза А. С. Либбермана не объясняет возникновения умлаута от *o*. Далее В. М. Жирмунский polemизировал с Б. И. Задорожным относительно времени возникновения твердого приступа в германских языках и его органичности для современного немецкого языка, считая, что эти вопросы требуют более глубокого изучения. По мнению В. М. Жирмунского, немецкому *h* придать статус фонемы его противопоставленность фонологическому нулю.

А. Ю. Степановичус (Вильнюс) выразил сомнения в наличии у предложенной А. С. Либберманом теории преимуществ перед другими теориями умлаута и обратил внимание Я. Б. Крупаткина на то, что аллофон можно определить и как совокупность двух множеств дифференциальных и недифференциальных признаков. М. В. Раевский (Тула) со-

лидаризировался с выводами Г. В. Воронковой и высказал мнение о существовании в системе определенной иерархии фонологически существенных признаков, которые при изменениях в фонологической системе могут менять свое место в иерархии и функционировать либо как единственно различительные, либо как сопутствующие различительные признаки. А. С. Либберман напомнил о том, что еще Н. С. Трубецкой при определении фонологического содержания фонемы считался с целесообразностью учета некоторых неразличительных признаков фонем. По мнению В. А. Квятковского (Ленинград), аллофоны любого характера заданы заранее правилами того или иного языка. И. П. Иванова отметила недостаточную убедительность теории А. С. Либбермана и в связи с докладами Г. В. Воронковой и Я. Б. Крупаткина указала на важность установления иерархии дифференциальных признаков в системе. Ю. К. Кузьменко (Ленинград) высказал мнение о ненужности понятия «аллофон» в теории фонологических изменений Я. Б. Крупаткина. М. И. Стеблин-Каменский (Ленинград) выразил согласие с трактовкой фонологического содержания фонемы, предложенной Г. В. Воронковой, и сделал ряд критических замечаний по докладу А. С. Либбермана и Я. Б. Крупаткина, отметив, что отрицание аллофонических изменений противоречит известным науке фактам.

На вечернем заседании первым был заслушан доклад В. Я. Плоткина (Новосибирск), который на материале истории дифтонгов в английском и немецком языках вскрыл некоторые общие черты в динамике систем фонематических оппозиций германских языков.

М. В. Раевский остановился на некоторых возможных причинах верхне-немецкого передвижения согласных, которые, на его взгляд, проистекают из взаимодействия общегерманских, западногерманских и эрминонских особенностей в эволюции шумного консонантизма.

Ю. К. Кузьменко изложил в своем докладе «Две модели диахронии аффрикат» некоторые соображения относительно изменений в фонологической системе, связанных с появлением или исчезновением фонологических аффрикат.

Е. И. Беляева (Воронеж) в докладе «Закон Хольцмана и ларингальная теория» сделала попытку объяснить возникновение готских и древнеисландских рефлексов общегерманских *jj* и *ww* с позиций ларингальной теории и определить место готских *ddj*, *ggw* и древнеисландских *ggj*, *ggw* в фонологических системах соответствующих языков.

М. И. Стеблин-Каменский в прениях отметил, что процессы, о которых говорилось в докладах В. Я. Плоткина и М. В. Раевского, могут получить

и другие, возможно, более убедительные объяснения, не основанные на учете только системного фактора. О возможности объяснить изменения в системе фонем действием несистемных факторов говорили Г. Г. Едиг (Омск) и А. С. Либерман. Положительно оценили предложенную Ю. К. Кузьменко теорию образования аффрикат М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Воронкова и М. В. Раевский.

Все прослушанные вечером 20 ноября доклады были посвящены вопросам исторической фонологии английского языка. Рассматривая долготу/краткость как просодический признак, В. А. Квятковский предложил следующее понимание эволюции конституирующей корреляции в английском вокализме: от корреляции количества в древнеанглийском через корреляцию контакта в среднеанглийском к корреляции скольжения в новоанглийском.

О развитии системы гласных в нортумбрийском диалекте древнеанглийского языка рассказала В. Ф. Рудкая (Минск), которая связывала монофонемизацию западногерманских дифтонгических сочетаний в этом диалекте с возникновением там оппозиции огубленности — неогубленности и взаимодействием оппозиций в системах гласных.

С. Ю. Комиссарчик (Харьков) в докладе «Некоторые особенности древнеанглийских дифтонгов» указала на то, что релевантным признаком для них, кроме уэссекского *ie*, является непостоянство тембра. По мнению С. Ю. Комиссарчик, фонологизация признака тембрового скольжения оказывала сдерживающее воздействие на изменения по веларному умлауту.

Е. К. Щука (Минск) отметила, что вследствие многочисленных фонетических изменений сипхронное описание древнеанглийского и среднеанглийского глагольного аблаута требует отказа от традиционной общегерманской схемы.

С. Э. Эрматов (Ленинград) посвятил свой доклад фонеморфологическому варьированию гласных в древнеанглийском.

В прениях против тезиса В. А. Квятковского о просодической природе долготы возражал А. С. Либерман, считающий, что для современного языка можно ставить вопрос о возрождении корреляции долготы. Он же отметил, что приведенный С. Э. Эрматовым материал очень интересен с точки зрения проблемы тождества слова. С отдельными деталями модели становления нортумбрийского вокализма, изложенной В. Ф. Рудкой, не согласились А. Ю. Степанавичус и Ю. К. Кузьменко. В. Я. Плоткин и В. Ф. Рудкая полемизировали с С. Ю. Комиссарчиком по вопросу о фонологической сущности древнеанглийских дифтонгоидов, настаивая на их монофонемной трактовке. В связи с докладом Е. К. Щуки Г. П.

Мельников высказал мысль о том, что увеличение количества значащих чередований связано с исчезновением флексий. Я. Б. Крупаткин указал на присутствие почти во всех докладах проблемы причинности звуковых изменений и подчеркнул необходимость единого подхода к ее решению в рамках постулатов диахронической фонологии и единого понимания термина «фонологизация». Подводя итоги работы семинара М. И. Стеблин-Каменский заметил, что основными его чертами являются интерес к проблеме звуковых изменений и стремление решать эту проблему на материале конкретных изменений в истории германских языков. Столкновение различных точек зрения позволяет выявить различные возможности ее решения, а следовательно, и различные стороны и причины звуковых изменений, и вряд ли принятие какой-то одной фонологической концепции позволит достичь больших успехов.

М. В. Раевский (Тула)

*

С 12 по 14 мая в МГПИИЯ им. Мориса Тореза проходила Всесоюзная научная конференция «Вопросы теории и методики преподавания перевода», организованная Министерством высшего и среднего специального образования СССР.

Конференцию открыл проректор МГПИИЯ им. Мориса Тореза К. Б. Карпов. Чл.-корр. АН СССР В. Н. Ярцева выступила с докладом «Социолингвистические функции перевода», в котором рассматривалась роль перевода в становлении и взаимном обогащении национальных литературных языков.

В числе проблем, затронутых на конференции, была тема «В. И. Ленин и проблемы теории и практики перевода» [А. Д. Кононюк (Киев) «Некоторые вопросы теории перевода (на материале ленинского перевода книги „Industrial demoscasu“, Л. В. Бурая, Т. А. Варганова, В. Д. Ившин (Калуга) «Проблемы иноязычной лексики и ее передачи в связи с анализом произведений В. И. Ленина»].

Большое внимание на конференции было уделено вопросу о путях развития общей теории перевода. Г. Р. Гачечиладзе (Тбилиси) в докладе «На пути к общей теории перевода» говорил о необходимости создания общей методологии поисков средств выражения для отдельных видов перевода.

М. Я. Цвиллинг (Москва) в сообщении «О возможности прагматического

социально-психологического) подхода к проблеме адекватности» высказал мысль о том, что первоочередным должно стать установление адекватности перевода. В докладе А. Д. Швейцера (Москва) «О детерминантах процесса перевода» подчеркивалось, что теория перевода должна изучать процесс перевода, имея в виду его конечный результат и исходя из определенного эталона адекватного перевода. В докладе А. М. Мухина (Ленинград) «Лингвистические науки и перевод» теория и практика перевода рассматривались как одна из важнейших сфер приложения многих лингвистических наук (сравнительной грамматики, сравнительно-исторической лингвистики, сравнительной стилистики). В. Н. Комиссаров (Москва) в своем докладе «Основные понятия науки о переводе» говорил о необходимости создания системы понятий, описывающих процесс перевода. Значение теории перевода, по мнению докладчика, заключается не в традиционном описании фактов и явлений перевода, но в создании теоретической модели процесса перевода.

В сообщении Г. Я. Туровера (Москва) «Сопоставление переводов как лингвистический источник» говорилось о значении сопоставления оригинала и перевода для сопоставительной стилистики и лексикологии. О невозможности использования перевода для типологических исследований упоминалось в сообщении Д. Буранова (Ташкент) «Является ли перевод конституентом типологии?».

А. А. Леонтьев (Москва) в докладе «Смысл как психологический инвариант перевода» рассматривал процесс перевода в связи с проблемой порождения речи. Искомый инвариант (простейший, не художественного перевода) — это психологическое явление, описываемое в психолингвистике как план, или программа. Если это так, то наиболее общая психологическая характеристика перевода — перевод из субъективного кода в объективный, формулирование высказывания по программе.

Доклад В. Г. Гака (Москва) «О проблеме инварианта при переводе» был посвящен объяснению семантических изменений речевой структуры при переводе. Под инвариантом понимается способ передачи в высказывании предметных отношений действительности.

Проблема инварианта и перевода на уровне слова и ситуации затрагивались в сообщении Е. М. Верещагина (Москва) «Два психолингвистических принципа перевода», где утверждалась возможность пословного перевода для языков, строй которых в какой-то мере совпадает.

В сообщении Н. В. Голубкова (Москва) «Переводческие трудности и простые операции перевода», напротив,

подчеркивалась необходимость целостного подхода к переводимому речевому произведению; сходные мысли были высказаны в докладе Р. К. Миньяр-Белоручева «Единица несоответствия как важнейшая основа исследования механизма перевода» и др. Проблема адекватности перевода так или иначе затрагивалась во многих сообщениях, в частности, в докладе К. Г. Крушельницкой (Москва) «К проблеме имплицитного выражения в аспекте перевода».

На конференции был рассмотрен также ряд конкретных вопросов. Назовем здесь доклады и сообщения: А. А. Реформатский (Москва) «Перевод и транскрипция», Я. И. Рецкер (Москва) «Теория фразеологии и лексикографическая практика», И. А. Бородянский (Киев) «Вопросы перевода английских фразеологизмов на русский язык», Г. В. Эйгер, В. Л. Юхт (Харьков) «О релевантности грамматических значений при переводе», Ю. А. Денисенко, Е. В. Бреуса (Москва) «О передаче грамматических категорий, не имеющих соответствия в языке перевода», М. П. Брандес (Москва) «Структура художественного текста как стилистическая основа перевода», В. Д. Уваров «Процесс перевода, стиль и психологические реалии», Т. Залите (Рига) «Образная система автора как проблема переводчика».

О практических вопросах работы переводчика говорили М. Я. Лорие (Москва) «О переводе современной прозы», М. Н. Ваксмахер (Москва) «Некоторые проблемы перевода современной французской поэзии»; В. Е. Шор (Ленинград) сделал доклад «К вопросу о методологии истории художественного перевода».

С большим интересом была встречена информация об исследовании синхронного перевода. Этому вопросу были посвящены доклады: Г. В. Чернова (Москва) «Пути исследования синхронного перевода», И. А. Зпмней и Г. В. Чернова (Москва) «К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода» и сообщение Е. Н. Сладковской (Москва) «Мотивационный уровень механизма вероятностного прогнозирования в синхронном переводе». А. Л. Пумпянский (Москва) сделал сообщение «Билингвистические исследования языка и стиля научно-технической литературы».

Сообщения в секции методики преподавания перевода также затрагивали целый ряд интересных и разнообразных проблем. Обсуждались научные основы методики преподавания перевода, типы учебников по переводу. Обсуждались также практические вопросы подготовки переводчиков.

На конференции было принято решение

ходатайствовать перед Министерством высшего и среднего специального образования о создании научно-методического центра для обмена опытом. Было предложено проводить всевозможные конференции подобного рода периодически. Следующая конференция намечена на 1974 г.

Л. А. Черняховская (Москва)

*

По инициативе Иркутского гос. пед. ин-та иностранных языков им. Хо Ши Мина в Иркутске с 28 по 30 января 1970 г. проводилась V научная межвузовская конференция Восточно-Сибирской зоны по актуальным вопросам структуры разговорной речи и развитию навыков общения на иностранных языках в языковых вузах и на факультетах иностранных языков университетов и педвузов. В работе конференции приняли участие преподаватели факультета иностранных языков Якутского ун-та и факультетов иностранных языков Бурятского, Читинского и Красноярского пед. ин-та, а также гости из Москвы и Ленинграда, Калуги, Орехово-Зуева, Томска, Барнаула, Алматы, Хабаровска, Уссурийска и некоторых других городов.

На конференции работало шесть секций: фонетики и фонологии, грамматики английского языка, грамматики немецкого, французского, испанского языков, лексикологии, методики и литературы. Всего было прослушано и обсуждено 78 докладов.

На пленарных заседаниях было прослушано четыре доклада. В докладе О. Х. Цахера (Иркутск) «Проблема инвариантности и вариантности в просодике» говорилось об акцентной структуре фразы, о значимости и выделенности слога (силлабемы) как важнейшей фонологической единицы, о понятиях интономы, кинемы и основных просодических инвариантов. Доклад Ю. М. Малиновича (Иркутск) «Эмоциональный аспект теории предложения» был посвящен вопросу о различном функционировании в речи эмоционально окрашенных и эмоционально нейтральных предложений. Л. М. Ковалева (Иркутск) и В. А. Каменецкая (Иркутск) рассказали о плодотворной научной и методической работе, которую проводит коллектив института им. Хо Ши Мина. Иркутским ГПИИЯ издано шесть сборников научных работ, опубликованы учебники по фонетике испанского и немецкого языков, подготовлен к защите ряд диссертаций. В настоящее время готовятся к изданию новые учебные пособия по грамматике, стилистике, практике раз-

говорной речи, фонетике и лексикологии иностранных языков, преподаваемых в институте.

На заседаниях секции фонетики и фонологии с докладами выступили: Э. С. Бабкина (Иркутск) «Просодические характеристики слогов в такте (на материале английского языка)», О. С. Корнилова (Якутск) «Постановка произношения на I курсе (на материале французского языка)», Г. С. Войнова (Иркутск) «Фонетическая природа выделительного ударения во французском языке», С. Ф. Леонтьева (Москва) «Постановка произношения на I курсе языкового вуза», В. Н. Андреева (Улан-Удэ) «К проблеме сравнительного исследования системы гласных в английском и бурятском языках», О. Х. Цахер «Моделирование акцентной структуры немецкого слова», А. В. Селютин (Иркутск) «Длительность как одна из характеристик словесного ударения в испанском языке», Н. В. Дресвянская (Иркутск) «О грамматической и интонационной структурах бессоюзных предложений в современном немецком языке», Л. Г. Прохоренкова (Иркутск) «Интонация простого повествовательного предложения немецкого языка с одним контрастным выделением», Т. К. Тупицина (Иркутск) «Об интонации простого повествовательного предложения немецкого языка с парными контрастами», Т. В. Фаддеева (Иркутск) «Методика преподавания интонации в педагогическом институте иностранных языков», И. А. Гомер (Красноярск) «Об эмоциональном фразовом ударении в современном немецком языке», Г. П. Веселовская (Уссурийск) «К вопросу об обучении интонации диалогической речи на I курсе факультета иностранных языков», Л. Соловьева (Барнаул) «Обучение интонационным моделям диалогической речи», Н. М. Шестакова (Иркутск) «К вопросу о постановке интонации у студентов I курса», Л. А. Сокина (Иркутск) «Построение вводного фонетического курса».

В докладах, представленных на секцию грамматики английского языка, освещались проблемы валентности и переходности глаголов, потенциального и коммуникативного синтаксиса, выбора однозначных и сложных языковых единиц в речи, категории замещения, а также некоторые частные вопросы грамматики современного английского языка. С докладами выступили: Л. М. Ковалева «К вопросу о системе противопоставлений переходности — непереходности в современном английском языке», Р. В. Басова (Иркутск) «Валентности глаголов, связанные с залогом» и «Выражение страдательного залога в английском языке в зависимости от валентных свойств глагола», Н. К. Самаркина (Орехово-Зуево) «Адвербиальная валентность в

различных семантических подклассах английского глагола», В. Д. Метакса (Иркутск) «К вопросу о значении притяжательных местоимений в английском языке», В. Д. Ившин (Калуга) «Способы предикативного выделения обстоятельств внутренней характеристики действия (на материале английского языка)», Г. С. Степанова (Иркутск) «Основные структуры простого эмоционального предложения в современном английском языке», Л. К. Чистогова (Ленинград) «Вопросительно-отрицательные предложения в современном английском языке», Ю. В. Шаламов (Барнаул) «К вопросу выбора языковых единиц», Б. П. Дюндик (Москва) «Использование заместителей как одна из особенностей разговорной речи английского языка», А. М. Алексеенко (Иркутск) «О синтаксической структуре репрезентирующего компонента прямой речи (на материале английского языка)».

На сводной секции грамматики немецкого, французского, испанского языков выступили: С. Б. Гринберг (Иркутск) «Проблема системы и нормы в языке», Е. Ф. Лебедева (Иркутск) «Взаимодействие элементов системы и нормы в дублетных формах множественного числа имен существительных современного немецкого языка», Л. Б. Груздева (Иркутск) «Об условиях реализации обязательной валентности глагола (на материале немецкого языка)», Г. Б. Алеев (Москва) «О роли определения в функции частичной номинации», Р. Г. Султанова (Иркутск) «Проявление синсемантики в разговорной речи (на материале немецкого языка)», Л. Г. Костыльникова (Иркутск) «К вопросу о модальности (на материале немецкого языка)», В. В. Захаров (Улан-Удэ) «Ограничения сочетаемости глаголов *sein* и *werden* с причастием II от переходных глаголов в современном немецком языке», Л. А. Дудник (Москва) «Уменьшительные существительные как единицы разговорной речи и их лексические, морфологические и синтаксические особенности по сравнению с коррелятивными уменьшительными», Ю. А. Воднев (Чита) «Неполные бессоюзные сложносочиненные вопросительные предложения диалогической речи», Н. А. Лёзова (Ленинград) «О некоторых типах коммуникативной связи элементов абзаца в немецком языке».

На секции лексикологии с докладами выступили: И. А. Цыбова (Москва) «О взаимодействии словообразовательных типов на исконной и книжной основах в современном французском языке», Е. К. Ядвигин (Томск) «Стилистическое сравнение и его перевод с английского языка», В. А. Иноземцева (Иркутск) «Некоторые формальные средства разграничения полисемии английских глаголов», Р. Г. Сайфутди-

нова (Иркутск) «Компонентный анализ лексического значения глагола», А. Г. Карась (Иркутск) «О диахроническом изучении некоторых глагольных устойчивых сочетаний», М. Г. Литвинцева (Иркутск) «Вариативность некоторых устойчивых сочетаний современного английского языка», С. Б. Берлизон (Рязань) «Об одном разряде эмоциональной лексики современного английского языка», Г. Г. Зиброва (Иркутск) «К проблеме смысловой структуры слова и методов ее изучения», Г. Я. Фауст (Иркутск) «Смысловая структура глагола *bilden* и некоторых отглагольных существительных», Л. А. Дудник «Об изменении — неизменении основы при прибавлении уменьшительных суффиксов к существительным».

На заключительном пленарном заседании конференции были заслушаны отчеты руководителей секций, заключительное слово проректора по научной работе Р. Г. Султановой и выступления в прениях до докладов.

Конференция постановила организовать при лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи Иркутского ГПИИЯ постоянно действующий зональный семинар по фонологии и экспериментальной фонетике, ответственный за систематическое проведение консультаций по выбору научной тематики, по экспериментальному исследованию речи и по методике преподавания фонетики в языковом вузе.

Следующую зональную конференцию решено провести в конце января 1973 г.

В. Д. Ившин (Калуга)

*

13 марта 1970 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Ивана Александровича Бодуэна де Куртене. В связи с этим научное студенческое общество (НСО) кафедры русского языка филологического факультета МГУ провело Бодуэновские чтения.

Со вступительным словом к участникам чтений обратился Н. И. Толстой. Как отметил докладчик, Бодуэн де Куртене был «протестантом» в лингвистике. Многие его работы шли вразрез с господствовавшими в то время идеями младограмматиков. Одна черта выгодно отличает Бодуэна де Куртене от многих современных «протестантов»: прежде чем пересмотреть позиции младограмматизма, он сам прошел школу младограмматиков. Современным молодым ученым следовало бы уделять больше внимания изучению того, что было сделано в науке до них: только в этом случае их «протесты» будут иметь научную цену.

М. Ю. Федосюк (IV курс) в докладе «И. А. Бодуэн де Куртенэ о месте лингвистики в системе научных знаний» подчеркнул решающее значение теории для любой науки, в том числе и лингвистики. Этот тезис четко сформулирован Бодуэном де Куртенэ. Практическое приращение лингвистики на данном этапе ограничивается обучением и переводом. Однако из этого не следует, что в настоящее время не стоит заниматься развитием лингвистической теории, ибо, как показывает история науки, всякая истинная теория находит практическое приложение в будущем.

В. Н. Манзюра (IV курс) сделал доклад на тему «И. А. Бодуэн де Куртенэ в борьбе против фетишизации языкового знака». Мысль о том, что объектом лингвистики должен быть язык во всей совокупности его микросистем, вытекает из многих работ Бодуэна де Куртенэ. Следовательно, объектом лингвистики может быть и так называемая «социально запрещенная» лексика и фразеология. Главной причиной невнимательного отношения лингвистов к «социально запрещенному» пласту языка является фетишизация языкового знака, берущая свое начало в отождествлении знака и денотата. Другая сторона фетишизации — приписывание знаку тех свойств, которыми он, не будучи включен в коммуникацию, сам по себе не обладает. В докладе была обоснована необходимость изучения «социально запрещенной» лексики и фразеологии и намечены пути такого изучения, на многие из которых указывал Бодуэн де Куртенэ.

А. А. Поликарпов (IV курс) сделал доклад «Значение картины коммуникативного процесса в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ для современного языкознания». Современное языкознание переходит от абстрактно-грамматического рассмотрения языка к конкретно-коммуникативному. Одним из основоположников такого рассмотрения был Бодуэн де Куртенэ. Отвергая дуалистическое противопоставление «мира в мыслях» «миру в действии», он утверждал, что мыслительно-языковые процессы в мозгу (церебрация) имеют материальную природу, так же, как фонация (говорение) и аудиция (слушание). Сложность церебрации как объекта исследования является временной и обусловлена трудностью проникновения в живой мозг. Прозорливость Бодуэна де Куртенэ состоит в том, что он предсказал необходимость сотрудничества психологии с нейрофизиологией, которого, к сожалению, пока не удалось достигнуть психологам и психолингвистам.

С докладом «Бодуэнова теория языкового развития» выступил Д. Д. Беляев (IV курс). Развитие происходит, по Бодуэну, исключительно в индивидуальном языке, который локализуется в мозгу

носителей языка. Развитие «среднего» («племенного») языка является следствием развития индивидуальных языков. Развитие понимается Бодуэном де Куртенэ как столкновение наследственности и приспособления. Колебания при передаче языковых сигналов, будучи усилены в определенном направлении, могут стать изменениями. Исходный пункт всякого изменения — различного рода неравновесия: между потребностями общения и языком, между юрасами языка и т. д.

Доклад А. П. Романиенко (IV курс) назывался «И. А. Бодуэн де Куртенэ о развитии и изменении языковых значений». Бодуэн де Куртенэ отмечал два направления в развитии языковых значений: от конкретности к абстрактности и от неопределенности к определенности содержания. Эти две тенденции, являясь противоположными, обеспечивают развитие языка. Первая, «облегчая» абстрактное мышление, реализуется в языке науки, вторая обеспечивает конкретизацию речи и используется, к примеру, в языке поэзии. Абсолютизации одного из указанных направлений в языке не может быть ввиду того, что язык как средство коммуникации — динамическая система. Докладчик показал важность бодуэновой теории развития лексических значений для решения насущных проблем терминологии.

В докладе «И. А. Бодуэн де Куртенэ — первый русский фонолог» Т. П. Митрофанова (III курс) указала на системный подход Бодуэна де Куртенэ к языку при решении фонологических проблем. Рассматривая фонему в морфеме, Бодуэн подходил к языку как к многоярусной динамической системе, между юрасами которой существует взаимодействие. По мнению Бодуэна де Куртенэ, фонология, в отличие от фонетики, изучает не «мимолетные» звуки речи, а инвариантные «отпечатки» этих звуков в «душе», т. е. в мозгу, где эти отпечатки имеют определенную нейрофизиологическую субстанцию. Однако, в связи с трудностью проникновения в живой мозг, фонемы на данном этапе развития науки должны изучать по их манифестациям в речи.

Заключительным докладом чтений был доклад Г. П. Мельникова «И. А. Бодуэн де Куртенэ и структурализм». Утвердилось мнение, что Бодуэн де Куртенэ — предтеча многих идей структурной лингвистики. Однако в этих словах — недооценка великого ученого, который не ограничивался изучением только структуры языка, но дошел до признания языка системой, где одинаково важны и одинаково должны изучаться структура и субстанция и их взаимосвязи и взаимовлиянии. Если Соссюр считал язык формой, а не субстанцией, если копенгагенский структурализм признавал языком только сетку отношений, считая посту-

лирование объектов, между которыми наблюдаются эти отношения, излишними, то Бодуэн де Куртенэ рассматривал язык в субстанции.

Структуралисты, например, Э. Косериу, считают, что прогнозирование — не дело науки. Однако наука — не инвентаризация фактов, и мысль Бодуэна де Куртенэ о прогнозировании в лингвистике претворяется в жизнь современной наукой.

После докладов развернулась дискуссия о перспективах структурного и системного бодуэновского метода в лингвистике.

Бодуэновские чтения на филологическом факультете МГУ показали, что молодые ученые не просто изучают наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ, но и пытаются творчески его развивать.

В. Н. Манзюра (Москва)